

Статья Альберта Васильевича Баранова (1930-2015) «О предмете социальной психологии» была опубликована в журнале «Вопросы психологии» более полувека назад. Предваряя современную републикацию этой статьи на веб-сайте Когита!.ру (<http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/u-istokov-sovetskoi-rossiiskoi-socialnoi-psihologii>), петербургский социолог Андрей Алексеев заметил, что после кончины А.В. Баранова в январе 2015 г. коллеги обратились к его научному наследию, тем более, что ряд его давних работ были пионерными, открывавшими целые научные направления. Среди них особый интерес представляет размещенная ниже статья.

История этой публикации такова. Петербургский социолог Мария Алесина предприняла усилия к тому, чтобы заказать и получить фотокопию статьи из Российской национальной библиотеки. Копия оказалась довольно слепой, так что конвертировать ее в электронную версию не получалось. Тогда Ольга Старовойтова перенабрала текст заново. Так возникла возможность для появления данного электронного варианта статьи.

О жизни и творчестве А.В. Баранова см. в интервью, которое он дал М. Алесиной В 2007-2008 годах (http://www.socioprognoz.ru/index.php?page_id=128&ret=207&id=8)

А.В. Баранов (Ленинград)

О ПРЕДМЕТЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ¹

(Вопросы психологии. 1961, №2. С. 92-100)

Психология и социология (раздел об общественном сознании) изучают общие вопросы человеческого сознания. И та и другая наука исследуют, в конечном счете, одно и то же, поскольку всякое человеческое сознание общественно обусловлено, и в этом смысле всякое сознание общественно. Советская психология давно уже усвоила этот тезис.

«...Едва ли можно указать сейчас психологическое исследование, - пишет А.Н. Леонтьев, - которое так или иначе не считалось бы с тем фактом, что поведение и сознание человека испытывают на себе воздействие общественно-исторических условий и изменяются с изменением последних. Даже исследования, посвященные узким психофизиологическим вопросам, вынуждены учитывать влияние социальных воздействий [9; 9]. Возникновение и развитие сознания человека «возможно лишь в единстве с развитием общественного сознания». Этим оно принципиально отличается от психики животных [10; 215].

Однако до сих пор между социологическим учением об общественном сознании и психологией нет прочного взаимного контакта. В результате психология изучает духовный мир человека сама по себе, а социология – сама по себе. Первая исследует психологические процессы индивидуального сознания, а вторая – результаты отражения общественного бытия в сознании, т.е. объективное содержание общественного сознания.

¹ Печатается в порядке обсуждения

Размежевание это не осталось незамеченным и даже получило теоретическое обоснование. Суть его в том утверждении, что специфическим предметом психологии является изучение индивидуального сознания, а содержание общественного сознания, идеология – это предмет исторического материализма.

Несколько лет тому назад этот тезис можно было лишь поколебать, но не опровергнуть. Он был уязвим в одном пункте, а именно: общественное сознание существует не как общественный дух или разум, не в противовес индивидуальному, а через индивидуальные сознания и благодаря им. Поэтому, в конце концов, не может быть принципиальной разницы между содержанием и процессами индивидуального и общественного сознания.

До недавнего времени исторический материализм в изучении общественного сознания ограничивался известными фактами (религия, искусство, наука и т.д.). Иначе говоря, учение об общественном сознании сводилось к учению о различных формах идеологии, что подтверждало приведенный тезис сторонников резкого размежевания психологии и социологии. Однако в последнее время философы и социологи поставили вопрос шире: социология изучает общественное сознание не только в его идеологических формах, но и в виде общественного мнения, обыденного сознания, общественной психологии, словом, в виде несистематизированного сознания. В отличие от систематизированного, идеологического сознания, в обыденном сознании огромную роль играют психологические закономерности, почему это состояние общественного сознания и называют общественной психологией. Разумеется, обыденное сознание не сводится целиком к психологической основе. Это явление общественное, и оно подчиняется социологическим законам. Однако психологические особенности играют здесь не последнюю роль. Обыденное сознание может быть в достаточной мере исследовано лишь при условии, если мы его рассмотрим и с социологической, и с психологической стороны.

Может ли служить таким подспорьем в изучении общественного сознания имеющаяся налицо психология? Нет, не может. Для этого недостаточно, по-видимому, чтобы психология исходила из социальной обусловленности сознания, хотя это и необходимо.

Общественное сознание – это всегда массовое сознание, а современная советская психология, как мы видели, сознательно ограничивает свой предмет индивидуальным сознанием. Применять же к объяснению общественного сознания критерии и понятия индивидуальной психологии – значит, открыть дорогу биологизму, что уже случилось в прошлом (см., например, [2] и [4]) и что явилось одной из причин неудачи дебюта социальной психологии в СССР. В объяснении общественного сознания необходимо опираться лишь на коллективную или социальную психологию.

Эта мысль не нова. Еще в конце прошлого столетия итальянский марксист А. Лабриола писал: «...для перехода от экономического базиса к общей конфигурации исторического процесса необходима помощь того комплекса знаний, которые можно назвать, за отсутствием другого термина, социальной психологией. Я не намекаю этим на фантастическую возможность существования социальной души или на идею мнимого коллективного духа, который по своим собственным законам, не зависящим от индивидуального сознания людей и их материальных и определенных отношений, осуществляется и проявляется в социальной жизни. Это чистейший мистицизм. Я не имею в

виду также и попыток ... перенести и приложить к понятию, известному под названием общественного сознания, категории и формы, установленные в индивидуальной психологии» [8; 68-69]. Предметом социальной психологии, писал Лабриола, является то, что до сих пор было исключительной областью интересов писателей-беллетристов.

Г.В. Плеханов в свое время также говорил, что без знания законов общественной психологии нельзя и шагу сделать в исследовании общественного сознания. Однако мы до сих пор не имеем марксистской социальной психологии.

В нашей литературе последних лет социальная психология почти единогласно рассматривается как буржуазная лженаука². Аргументом к доказательству такой категорической оценки служит то, что социальная психология используется буржуазными учеными для психологизации социологии. На этом основании марксисты – противники социальной психологии – фактически отождествляют ее с психологическим направлением в социологии (см., например, [5]).

Социальная психология является «по существу ни чем иным, как попыткой психологизировать социологию, то есть протащить идеализм в область изучения общественных явлений» [11; 240].

Действительно, социальная психология используется для подкрепления идеалистического понимания истории. Но идеализм никогда не давал зарок не приспособливаться к новейшей науке. Наоборот, во имя сохранения он не может не пытаться дать благоприятную для себя философскую интерпретацию крупнейших научных открытий. Отвергая идеалистическую интерпретацию научного открытия, мы обязаны сохранить и овладеть самим открытием. Материализм должен быть противопоставлен идеализму в той же области науки. Признать целиком за продукт идеализма хотя бы одно небольшое научное открытие – значит, оставить поле боя за идеализмом.

Отождествление социальной психологии с психологическим направлением в социологии выглядит, на первый взгляд, довольно-таки радикально, как принципиально марксистский подход к делу. Но, как это ни странно, именно так и понимают социальную психологию за рубежом некоторые ее интерпретаторы. Для большинства буржуазных ученых отождествление социальной психологии с психологизацией социологии является закономерным выводом, вытекающим из ее философских концепций. По их мнению, социальная психология лежит в основе общественного сознания, а последнее является фундаментом всей структуры общества. Признание первого тезиса для них с необходимостью означает признание того, что общественная психология и есть разгадка общества. Для марксиста ложность второго тезиса очевидна: не сознание людей определяет структуру общества, а, наоборот, общественное бытие определяет общественное сознание. Нет прямой и неразрывной связи между первым и вторым утверждением. Поэтому признание того, что социальная психология лежит в основе общественного сознания, должно рассматриваться как самостоятельный тезис, ложный или истинный, не связанный автоматически с идеалистическим (психологическим) пониманием общества.

² Исключением являются точка зрения Б.Г. Ананьева, высказанная в рецензии на книгу С.Л. Рубинштейна «Бытие и сознание» в журн. «Вопросы психологии», № 1 за 1959 год, а также единственная в своем роде статья А.Г. Ковалева в «Вестнике ЛГУ», № 11 за 1959 год – «О социальной психологии».

Кроме того, даже в буржуазной науке различаются два содержания социальной психологии. С одной стороны, это проблема поведения и сознания коллектива и индивида в коллективе. С другой, это объяснение социальных явлений через призму психологических закономерностей.

В одном из колледжей США социальная психология относилась к кафедре психологии. В продолжение нескольких лет она преподавалась в течение двух семестров, но двумя разными преподавателями. Один давал ей социологическую ориентацию, другой исходил, главным образом, из общей психологии. Их курсы не содержали почти ничего общего, и студенты оставались с радикально различными понятиями о дисциплине, преподававшейся целый год [16; 525].

Доказательство неправомерности отождествления социальной психологии с психологическим направлением в социологии не есть еще, конечно, реабилитация самой социальной психологии. Основной довод против нее состоит в том, что она не имеет своего специфического предмета исследования, а вторгается с психологическими методами в область социологии. В Большой Советской Энциклопедии буквально так и говорится: «В советской науке проблемы, неправомерно относимые буржуазной психологией к социальной психологии, заняли свое место в системе наук об обществе и разрабатываются специалистами соответствующих областей знаний (историками, философами, экономистами и др.) как проблемы исторического материализма» [3; 197]. Посмотрим, насколько это справедливо.

По мнению некоторых буржуазных психологов и социологов, предметом социальной психологии является общественная обусловленность сознания. По их мнению, существует две психологии: физиологическая, исследующая физиологическую основу психических процессов, и социальная, изучающая социальную обусловленность сознания. Человек есть «биосоциальный» (Бехтерев) организм. Двойственность психологии, дескать, отражает двойственную природу личности. «Над физическим человеком надстраивается социальный», - писал Э. Дюркгейм, - а потому, «какие бы успехи ни сделала психофизиология, она никогда не сможет быть чем-то большим, чем только частью психологии, потому что большая часть психических явлений зависит не от органических причин». Эта часть «относится к другой позитивной науке, которую можно было бы назвать психосоциологией» [15; 390-391].

Противники социальной психологии совершенно правильно утверждают, что нет нужды выделять ее как самостоятельную дисциплину на этом основании. Социальная обусловленность сознания является существенной чертой всякого человеческого сознания, а потому не может служить исключительным, специфическим предметом изучения для социальной психологии. Социальная обусловленность в явлениях так называемой общественной психологии играет более непосредственную роль, чем в других психических явлениях. Это косвенно признается всеми психологами. И не этот факт дает право социальной психологии на существование, однако именно на опровержение этого направлены основные доводы ее противников.

«Поскольку человеческий опыт означает социальный опыт, - пишет американский психолог Дж. Б. Фурст, - то ясно, что не может быть человеческой психики, которая одновременно не являлась бы социальной психикой. Специальный учебник по «социальной» психологии, особая область «социальной» психологии – это абсурд, неправильное употребление терминов.

Человеческая психика или является социальной, или она вообще не психика» [12; 61-62].

Это замечание было бы верным, если бы необходимость социальной психологии проистекала только из двойственного подхода в объяснении психики человека: одни психические явления объясняются натуралистически, физиологически, а другие – социально. Однако не «удобством» двойственного («дополнительного», как говорит известный физик Нильс Бор) описания явления вызвана к жизни социальная психология, а объективным существованием в самой действительности некоторых явлений сложного, социально-психологического характера, которые нельзя отнести ни к фактам индивидуального сознания, ни к идеологическим формам общественного сознания. И вместе с тем они выступают связующим звеном между индивидуальным и общественным сознанием.

То, что проблема взаимосвязей индивидуального и общественного сознания в психологическом плане еще не получила общепринятого решения, по-видимому, не требует доказательств. Во всяком случае, она постоянно вновь и вновь поднимается в работах и психологов, и философов.

Глубокая и остроумная попытка проанализировать взаимоотношения индивидуального и общественного сознания предложена в уже упоминавшейся статье А.Н. Леонтьева. Автор в ней использует аналогию с биологическим организмом и средой, сравнивая усвоение индивидом общественного сознания с явлением наследственности, вводя в психологию понятие вида и рода. Его рассуждения концентрируются вокруг главного вопроса: что понимать под «организмом» и «средой» в психологии, где кончается «организм» и начинается «среда». Уже постановка этого вопроса свидетельствует о том, что проблема сознания (и психологии, стало быть) не ограничивается сознанием индивида. Весь процесс осознания мира происходит не в одной голове, а во многих, и нужно изучать, каким образом один индивид приобщается к сознанию других. Человечество мыслит и чувствует коллективно. Обойти этот факт психология не может.

Противники социальной психологии доказывают несостоятельность одного из пониманий предмета социальной психологии, полагая, что доказывают невозможность самого предмета. На самом деле, основное, и в настоящее время фактически единственное, понимание предмета даже не затрагивается. Суть этого понимания в том, что социальная психология отличается от общей психологии как коллективная от индивидуальной.

Предметом социальной психологии является психическая деятельность людей в коллективе, в массе. Иначе говоря, предметом социальной психологии являются массовидные явления психики, возникающие вследствие взаимодействия личностей. Массовость, коллективность – это один из признаков общественного сознания. Поэтому может быть позволительно сказать так: предметом социальной психологии являются психологические закономерности общественного сознания.

Выделение социальной психологии в самостоятельную психологическую дисциплину диктуется тем, что и по характеру процессов, и по продукту психической деятельности коллективная психология отличается от индивидуальной.

Человек в своей практике имеет дело не только с материальным, неодушевленным миром, но и с духовным миром других людей, не только с объективными свидетельствами чувств, но и с субъективными мнениями

окружающих. Очевидно, что психическая обработка первых и вторых продуктов духовного отражения мира в корне различны. Во втором случае, когда мы получаем и обрабатываем уже кем-то обработанную информацию, мы имеем как бы психологию второго порядка. Продукты психики тут несут не себе печать «двойной» субъективности. Это не значит, что в знании о мире, полученным косвенным путем (через восприятие, понимание других людей) будет меньше объективного содержания. Наоборот, «двойная» обработка продуктов отражения позволяет проникать глубже в суть явлений. Конечно, в то же время увеличивается возможность субъективной иллюзии. «Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать», - говорит китайская пословица.

Совершенно необоснованно также считать, что во всех случаях взаимодействие сознаний в массе ведет лишь к снижению качества интеллектуальной деятельности, к господству иррационализма. В настоящее время советскими и зарубежными психологами не только доказана теоретически, но и подтверждена экспериментально несостоятельность правила Лебона о «нивелировке книзу», которым доказывалась не только глупость толпы, но и поглупение отдельного индивида в коллективе.

Большая часть проблем социальной психологии концентрируется вокруг основной проблемы: характер протекания психических процессов в коллективе. Существуют два подхода к классификации этого гнезда проблем, которые внешне различны, но по существу нередко совпадают. Можно разбить психические процессы в коллективе по тем же рубрикам, что и процессы индивидуальной психологии, например, восприятие, память, чувства. Таков подход Ш. Блонделя [13]. Можно концентрировать понимание главным образом на вновь образующихся формах духовной деятельности и в них соответственно рассматривать интеллектуальную, эмоциональную и волевою стороны. В этом случае отдельно рассматриваются проблемы становления личности, а затем взаимодействие личностных сознаний в форме дискуссии, внушения, моды, обычая, ассимиляции группового мнения или чувства личностью и т.д. Причем, эти процессы опять-таки конкретизируются для различных видов общественных групп. Такой подход более распространен [14], [16].

Не защищая ни ту, ни другую классификацию проблем (марксистская социальная психология безусловно выработает свой подход к исследованию предмета и даст свою классификацию проблем), необходимо, по-видимому, остановиться на доказательстве принципиальной возможности иного характера психических процессов, чем в индивидуальной психологии.

Выше уже было приведено одно соображение: в процессе взаимодействия людей возникает как бы психология второго порядка, т.е. имеет место опосредованность восприятия, мышления индивида восприятием, мышлением других людей. У мышления, если оно протекает в коллективе, есть свои особенности. Если в индивидуальном акте мышления (в случае нормы) весь процесс анализа и синтеза есть внутренний процесс, то в акте коллективного мышления, например, в случае свободного диспута, процесс анализа и синтеза имеет как внутренний, личностный, так и внешний, межличностный характер.

В индивидуальном мышлении чувство уверенности в правильности вывода обуславливается логикой объекта и состоянием сознания мыслящего индивида. В коллективном мышлении убедительность, кроме того, обуславливается субъективными и объективными качествами других членов коллектива, например, их авторитетностью.

+++

Из эмоциональных явлений коллективной психологии чаще всего указывают на настроения. Общественное настроение также имеет дополнительные характеристики к тем, что даются понятию настроения в общей психологии. Такой дополнительной характеристикой общественного настроения является его «заразительность», «летучесть», в массе людей, духовно общающихся друг с другом или просто находящихся в зримой близости и примерно в одинаковых условиях. Свойство «заразительности» настроения было замечено еще первобытными народами и использовалось для возбуждения соответствующего настроения участием в массовых плясках или наблюдением их.

Свидетельство «заразительности» настроения мы находим в работах В.И. Ленина «...Рабочие соседних фабрик всегда испытывают подъем духа, когда видят, что их товарищи начали борьбу... часто стоит только забастовать одной фабрике, - и немедленно начинается ряд стачек на целой массе фабрик. Так велико нравственное влияние стачек, так заразительно действует на рабочих вид их товарищей, которые хоть на время становятся из рабов равноправными людьми с богачами!» [1; 291].

Для понимания общественной психологии особо большое значение имеет настроение, как эмоциональное состояние, разлитое в массу. Однако сводить эмоциональность общественной психологии только к роли настроений нельзя. Следует учитывать и другие основные проявления эмоциональности: аффекты (например, паника) и чувства (например, чувство патриотизма).

О характере волевой стороны сознания людей в коллективе написано много ярких страниц и беллетристами, и публицистами – революционерами. Они отмечают большую решительность людей в коллективе, равно как и более легкую податливость панике.

Словом, по форме, или по интенсивности, или по другим каким-то признакам характер психической деятельности различен у отдельного человека и у людей в группе.

В той или иной мере специфический характер психической деятельности в коллективе известен давно и учитывается в психологии. Более того, несмотря на резко отрицательное отношение к социальной психологии, отдельные ее проблемы уже стали объектом исследования.

«...Разве советские педагоги и психологи, разрабатывая вопросы психологии и воспитания, не занимаются по существу разработкой одной из важнейших проблем социальной психологии? Проблема формирования коллектива (в том числе, общественного мнения) и воспитания личности в коллективе, через коллектив и для коллектива и является именно такой проблемой. Следовательно, по существу вопросы социальной психологии уже разрабатываются в советской педагогической науке» [6; 79].

Разработка социальной психологии будет иметь большое значение. Уже теперь можно уверенно сказать, что контакт между психологией и социологией для последней будет чрезвычайно плодотворным, поскольку он позволит решать ряд проблем общественного сознания более конкретно, а в некоторых случаях даже экспериментально точно.

Еще большее значение развитие социальной психологии будет иметь для самой психологии. Прежде всего, научному анализу подвергнется целая область новых явлений, что обогатит и проблематику, и методику психологии. Кроме того, в некотором смысле можно сказать, что общая психология получит

завершение лишь с разработкой социальной психологии. Мы говорим «получит завершение» не в том смысле, что появится еще одна «пристройка», еще одна психологическая дисциплина, а в том, что ряд проблем общей психологии получит более удовлетворительное и законченное освещение. Социальная психология начинается там, где заканчивается общая (индивидуальная), - с психологии личности.

В советской науке психология личности остается еще слабо разработанной. Одной из причин отставания, по нашему мнению, является сугубая «индивидуальность» в подходе к проблеме. «Первый основной принцип изучения психологии личности советского человека, - говорит К.Н. Корнилов, - заключается в том, что непосредственным предметом ее изучения являются индивидуально-психологические особенности личности, но не сама личность и не ее общественные отношения» [7]. Между тем, по свидетельству многих психологов, разработка психологии личности является отправным и завершающим пунктом всякого психологического исследования. «...Введение личности в психологию, - пишет С.Л. Рубинштейн, - представляет собой необходимую предпосылку для объяснения психических явлений» [11]. Общественная обусловленность сознания личности – отправной пункт психологического исследования. Личность как субъект истории, как деятель – завершающий пункт. Однако, в силу «индивидуализма», эти верные постулаты лишь декларируются.

Подведем итог. Для развития на базе взаимного обогащения социологии и психологии необходимо некоторое дополнительное развитие в рамках самих этих наук, необходимы изменения привычных взглядов на общественное сознание лишь как на идеологию, а на психологию лишь как на науку об индивидуальном сознании. Необходимо было сделать шаг навстречу друг другу. Недостаточно признать социальную обусловленность сознания индивида. Это необходимо, но недостаточно. Нужно сделать и второй шаг, признав так или иначе психологическую обусловленность общественного сознания. Что касается социологии, то она сделала шаг, введя круг проблем общественного сознания в проблему обыденного сознания или общественной психологии. Теперь очередь за психологией.

Социальная, или коллективная, психология имеет свой предмет, а стало быть, и право на существование. Она уже существует и развивается, особенно в США, Англии и Франции. Разумеется, советская наука не может взять в готовом виде то, что выдается за социальную психологию на Западе, из-за идеалистической путаницы в основных вопросах философии истории, проявляющейся у психосоциологов, прежде всего, в неумении четко различать общественное бытие и общественное сознание, в непонимании соотношения между ними. К тому же, вопрос окончательно запутывается привнесением в социальную психологию иллюзий и заблуждений различных психологических и социологических школ. Буржуазная социальная психология, исследуя частности своего предмета, остается без достаточного теоретического обоснования, что определяет ее описательный и мелочно эмпирический характер³.

*

³ Теоретическая беспочвенность буржуазной социальной психологии осознается в какой-то мере и самими психосоциологами. "Необходимо сказать, - говорится в последнем издании Американской энциклопедии, - что социальная психология как целое еще нуждается в теоретическом базисе, достаточно широком и прочном» (The Encyclopedia Americana, 1957, vol.25, "Social Psychology" by Floyd H. Allport).

Развитие социологии, с одной стороны, и психологии, с другой, поставило на повестку дня разработку социальной психологии. Необходимость исследований по социальной психологии ныне диктуется и рядом других моментов нашей жизни. Развитие социалистического общества, как самого демократического, немислимо без учета мнения широчайших народных масс по самым различным вопросам. Черпать у масс, систематизировать и вновь нести в массы уже научно осмысленные и систематизированные идеи – таков принцип нашей партии. А чтобы точнее и лучше учитывать мнение масс, чтобы правильно ориентироваться в общественной психологии и, учитывая ее, не оказаться у ней на поводу, необходимо изучать законы социальной психологии. Можно уверенно сказать, что исследования по социальной психологии прежде всего необходимы для практиков – партийных, профсоюзных и вообще политических работников.

В настоящее время с особой остротой стоит задача борьбы с религиозными пережитками в сознании советских людей. Однако мы являемся свидетелями того, что атеистическая пропаганда не всегда достигает цели. Дело в том, что религиозные настроения у части советских людей базируются не на религиозной догматике и потому обнаружение нелепости религиозной идеологии не убеждает их в правоте последовательного атеизма. Их религиозное верование часто имеет сугубо психологическую основу. Чтобы победить и уничтожить всякие религиозные переживания, нужно воздействовать на психологию верующих, а для этого опять-таки необходимо изучать закономерности общественной психологии.

Наконец, можно сослаться и на, так сказать, нравственную потребность в изучении социальной психологии. Действительно, в буржуазном, насквозь индивидуалистическом обществе плохо ли, хорошо ли, но пытаются изучать коллективную психологию, тогда как в нашем, всецело проникнутым духом коллективизма обществе, разрабатывается лишь индивидуальная психология. Ведь наш коллективизм является благодатнейшей почвой для развития социальной психологии!

И последнее. У нас имеется то, чего нет у буржуазной науки, что и предопределило ее бескрылый, мелочной эмпиризм: у нас имеется научная теория общества – исторический материализм, который дает незаменимый теоретический базис для социальной психологии. У нас есть все условия для разработки социальной психологии и есть острая потребность в ней как у практиков, так и у ученых-общественников. А раз так, марксистская социальная психология должна занять свое место в марксистской общественной науке.

ЦИТИРОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Ленин В.И. Соч., т.4.
2. Бехтерев В.М. Коллективная рефлексология.
3. «БСЭ», т.40, изд. 2-е, 1920.
4. Вагнер В.А. Психологические типы и коллективная психология. 1929.
5. Замошкин Ю.А. Психологическое направление в современной буржуазной социологии, изд-во ИМО, 1958.
6. Ковалев А.Г. О социальной психологии. «Вестник ЛГУ», № 11, 1959.
7. Корнилов К.Н. Принципы изучения психологии советского человека. «Доклады на совещании по вопросам психологии личности». М., 1956.
8. Лабриола А. Исторический материализм. Госиздат, 1926.

9. Леонтьев А.Н. Об историческом подходе в изучении психики человека. «Психологическая наука в СССР», т.1, М., изд-во АПН РСФСР, 1959.
10. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М., 1959.
11. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание, изд-во АН СССР, 1957.
12. Фурст Дж. Б. Невротик. Его среда и внутренний мир. М., изд-во иностр. лит., 1957.
13. Blondel Ch. Introduction à la Psychologie collective. 1934.
14. Bogardus E. Fundamentals of Social Psychology, N.Y., 1941.
15. Durkheim E. Les Formes élémentaires de la Vie Religieuse. Paris, 1912.
16. Handbook of Social Psychology, Ed. G. Lindzey, Cambridge, 1954, vol.1, 2.
17. Tomas Adolph S. Sociology and Interdisciplinary Developments. "Modern Sociological Theory", N.Y., 1957.

ON THE SUBJECT OF SOCIAL PSYCHOLOGY

A.V. BARANOV

SUMMARY

Some scientists refuse to recognize social psychology as an independent science on the ground that it has no scientific scope of its own. The author disagrees with them and asserts that social psychology deals with collective phenomena of mentality which are due to the interaction of personalities. In other words, social psychology is concerned with the psychological laws of social consciousness.